

В. А. МАНУЙЛОВ

Максимилиан Волошин

<Фрагменты>

О Максимилиане Адександровиче Волошине я впервые услышал в университетские годы в Баку от моего учителя Вячеслава Ивановича Иванова. <...>

Прощаясь со мной в Москве перед своим отъездом в Италию летом 1924 года, Вячеслав Иванович благословил меня и сказал: «В России остается Волошин, поезжайте к нему, я думаю, что встреча с ним Вам будет очень полезна и нужна, и многое Вы поймете такое, о чем я с Вами еще не говорил». Он не ошибся. Вячеслав Иванов был моим первым Учителем-наставником. Самым значительным в моей жизни Учителем после него я считаю Максимилиана Адександровича Волошина. <...>

Максимилиан Александрович принял меня очень ласково, как будто мы с ним давно знакомы и много раз встречались. Он сказал, что таким меня себе и представлял, хотя фотографий моих никогда не видел. Посмотрел мою левую руку. Это мне было интересно, потому что я уже встречался с хиромантами и сам занимался хиромантией. Вячеслав Иванов также был знаком с этой наукой. Интерес к хиромантии прошел через всю мою жизнь. Максимилиан Александрович мою руку изучал для себя и мне ничего не рассказал, но я понял, что к хиромантии он относился очень серьезно.

Наша прогулка продолжалась более двух часов. Она оказалась единственной, но стала для меня напутствием на всю жизнь. Очень трудно передать содержание нашей беседы. Это был непринужденный разговор, во время которого затрагивались самые разнообразные вопросы.

Мы шли не торопясь, по высоким северным холмам, между Сюрюю-Кая и хребтом, где теперь могила Максимилиана Александровича. Он уже задыхался при подъеме, но все-таки шел легко, иногда останавливаясь, чтобы передохнуть.

Разговор с Максимилианом Александровичем совпал с некоторым переломом в моей жизни. До этого я мечтал о литературной работе, о славе, выступлениях в печати, хотя три хироманта в 1920, 1923

и 1924 годах предупредили меня, что печататься не нужно, а надо писать совершенно свободно, не делая поэзию своей профессией, своим заработком, стать профессиональным литературоведом¹. Встреча с Волошиным укрепила меня в этом решении. Я понял, что даже он, большой поэт, лишен возможности печатать многие стихи и вынужден при жизни «быть не книжкой, а тетрадкой».

Максимилиан Александрович мне ответил на вопросы, которых я ему даже не задавал. Он сказал: «Пишите, — и даже хорошо отозвался о моих стихах, — но только не надо печататься. Не надо думать о книжке стихов, о литературной известности. Освободите себя от всего этого. И тогда все будет оправдано». Такое наставление помогло мне окончательно избавиться от соблазна печатать свои стихи.

Волошин говорил о том, что поэт должен быть непременно мыслителем и человеком, который думает больше всего о людях времени, о том, как совесть позволяет делать главное дело, о долге поэта. К современной поэзии он относился очень сдержанно и, собственно, считал, что в литературе у нас довольно пусто. Правда, он сочувственно говорил о Есенине, отмечая, что это был настоящий поэт, но, к сожалению, человек небольшой культуры. Максимилиан Александрович хорошо относился к Всеволоду Рождественскому. Но позднее, я знаю, досадовал на то, что Рождественский многое переделывает, уступая внутренней цензуре. Ранние стихи Рождественского, по его мнению, были гораздо свежее. В этом отношении он, конечно, был совершенно прав. Сочувственно отзывался Максимилиан Александрович о стихах М. М. Казмирова², к сожалению, несправедливо теперь забытого поэта, известного более как переводчик с испанского.

Поэзия, считал Максимилиан Александрович, не может быть искусством для искусства, как это тогда понимали упрощенно, «это один из самых нужных видов искусства».

Много мы говорили о доброте. Это было важно. Эта тема затрагивалась и в моих беседах с тремя хиромантами, они говорили о необходимости доброты для хироманта, о сходстве хироманта с врачом.

Максимилиан Александрович сказал, что 20-е годы были самыми важными в его творческой жизни. Все, что он писал до «Демонов глухонемых», было лишь путем к самому себе. Сказать в своих стихах о пережитом в Крыму — это, по его мнению, то, для чего он пришел в мир. Он критически относился к своим ранним стихам, говорил о том, что все-таки они еще не самостоятельны, что надо больше владеть словом, формой. Говорил и о том, что проза для него — мечта будущего, она его привлекает, но что, может быть, на нее перейти уже не удастся.

Были попутные упоминания о разных людях, которых я знал. Прежде всего о Майе — о Майе Павловне Кудашевой.

Тетрадь со стихами Майи сохранилась у меня, и через много лет я вернул ей эту тетрадь, когда она приезжала из Парижа в Советский Союз уже будучи вдовой Ромена Роллана. Были у Майи стихи, посвященные Вячеславу Иванову и Максимилиану Волошину.

Летом 1924 года Брюсов в Коктебеле читал свою знаменитую лекцию о Пастернаке, в которой убеждал слушателей, не понимавших и не любивших стихов Пастернака, что это один из самых больших русских поэтов. Эта лекция Брюсова о Пастернаке произвела на слушателей большое впечатление. Пастернак знал об этой лекции и рассказывал о ней Майе. Теперь о лекции Брюсова рассказал мне Волошин.

Вернулись с прогулки в восьмом часу и до ужина читали стихи, а после ужина слушали музыку.

Идейно-художественный анализ произведений Волошина — дело будущего, когда они будут полностью опубликованы. Философская и политическая позиции поэта, конечно, весьма сложны и противоречивы, как сложна и противоречива сама историческая действительность. Современному читателю многое во взглядах Волошина покажется не только странным, но и чуждым. Анархическое отрицание всякой государственности, руссоистски-толстовское осуждение цивилизации и технического прогресса, попытки разрешить социальные проблемы уходом в глубины человеческого духа, а трагические противоречия истории человечества рассматривать в плане религиозно-этическом — все это прочно связано с традициями метафизической философии идеализма, в частности, с философскими трактатами Метерлинка и Шпенглера³. Но нас не может не волновать конкретно-образное восприятие Волошиным диалектики истории, его острая критика самодержавно-бюрократической России, напоминающая подчас классические формулировки Герцена и Льва Толстого, нам близко и понятно его отвращение ко всякому собственничеству и хищничеству, к милитаризму, ко всему тому, что принес человечеству империализм.

Этические идеалы Волошина в самой основе своей антибуржуазны и глубоко гуманистичны:

Вы боретесь за собственность?
Но кто же принадлежит кому?
Владельцу вещь?
Иль вещи помыкают человеком?
То собственность,
Что можно подарить:
Вы отдали: и этим вы богаты,
И вы рабы всего, что жаль отдать.

(«Бунтовщик»)

Далеко не всегда мы можем принять решения проблем, которые предлагает нам поэт, но самая проблематика его философских поэм остро современна, а если учесть, что эти поэмы создавались в середине 20-х годов, нельзя не признать, что, пристально всматриваясь в будущее, Волошин многое предугадал как мыслитель и ученый:

Вы поняли сплетенья косных масс,
Вы взвесили и расщепили атом,
Вы в недра зла заклинили себя.
И ныне вы заложены, как мина,
Заряженная в недрах вещества!

(«Бунтовщик»)

Рене Гиль и В. Брюсов много думали и писали о научной поэзии будущего, о воплощении высших достижений науки в художественных образах. Думается, что к одному из возможных решений этой задачи вплотную подошел Волошин.

Эрудиция Волошина, его обширные познания в физике, геологии, астрономии, ботанике обогатили его представления об окружающем мире, обострили его глаз художника и ощутимо сказались и на его акварельных пейзажах.

<1985>

